

2. Кронгауз, М. А. Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова. – М. : АСТ-Пресс, 2017. – 288 с.

3. McWhorter, J. Texting is killing language. JK! / J. McWhorter [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.ted.com/talks/john_mcwhorter_txtng_is_killing_language_jk/transcript. – Дата доступа : 12.01.2019.

О. С. Горицкая, Н. В. Супрунчук (МГЛУ, Минск, Беларусь)

*БУЛЬБА VS. КАРТОШКА: ЧАСТОТНОСТЬ БЕЛОРУСИЗМОВ
И ИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СООТВЕТСТВИЙ
В БЕЛОРУССКОЙ РАЗНОВИДНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹*

Одной из ярких особенностей русского языка в Беларуси является использование элементов белорусского языка (белорусизмов): *бульба* ‘картошка’, *калыханка / колыханка* ‘колыбельная’, *каплицца* ‘часовня’ и т. п. Некоторые белорусизмы достаточно часто встречаются в русской речи, в то время как другие имеют окказиональный характер. Для определения большей и меньшей востребованности белорусских элементов в русскоязычной коммуникации мы готовим частотный словарь белорусизмов в белорусской разновидности русского языка. Словарь создается на базе Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru), в котором представлена русская речь различных стран. Материал словаря ограничен текстами, созданными жителями Беларуси. Анализируется подкорпус блогов «Живого Журнала», отражающий современную русскую разговорную речь в письменной форме. Объем подкорпуса – 8,72 миллиарда словоупотреблений.

При анализе частотного списка возникает закономерный вопрос: чем обусловлена большая и меньшая частотность того или иного белорусизма в исследуемом идиоме? С одной стороны, частотность белорусизмов обусловлена тем, что определенные смыслы являются более или менее востребованными в коммуникации, в т. ч. в рамках отдельной дискурсивной сферы. Следовательно, белорусизмы, обозначающие феномены, о которых носители языка в целом говорят чаще, будут использоваться более активно, чем белорусизмы, обозначающие что-то менее широко обсуждаемое. С другой стороны, можно предположить, что какие-то объекты действительности будут с большей вероятностью обозначаться именно белорусизмами.

Для того чтобы проверить данную гипотезу, мы сопоставили частотность белорусизмов и их соответствий из русского литературного языка. На данном этапе мы отобрали 25 существительных-белорусизмов с абсолютной частотой более 10 словоупотреблений (от 11 до 354). Для каждого белорусизма были найдены наиболее близкие по семантике и стилистике соответствия в русском литературном языке (включая его разговорный сегмент). Белорусизмы, у которых нет однословных эквивалентов (например, *поречка / паречка – красная смородина*), а также многозначные слова и омонимы,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

имеющие несколько соответствий в русском литературном языке (*буся* ‘поцелуй’, ‘кто-то милый или что-то милое (обычно о людях или животных)’), исключались из выборки.

На основании количества употреблений лексем в подкорпусе мы определили частотные ранги белорусизмов и их литературных соответствий. В результате корреляционного анализа была обнаружена положительная связь между частотностью сопоставляемых вариантов, однако она не является сильной. Например, варианту *змагар*, самому частотному белорусизму в нашей выборке, соответствует литературное слово *оппозиционер*, находящееся в нижней трети частотного списка, и наоборот, самому употребительному литературному слову *друг* соответствует низкочастотный белорусизм *сябар*. При этом ранги среднечастотных вариантов *вежа* / *башня* и *ганьба* / *позор* являются близкими, то же касается низкочастотных вариантов *оводень* / *овод*. Парой лексемы *бульба*, занимающей второе место в частотном списке белорусизмов, является слово *картошка*, находящееся на десятом месте, и т. п.

Анализ относительной частотности вариантов позволил выявить смыслы, которые с большей и меньшей вероятностью будут обозначаться белорусизмами. Так, удельный вес лексемы *змагар* составляет около 25 % выборки по обоим вариантам, соответственно, показатель слова *оппозиционер* – 75 %. К числу заметных белорусизмов относятся и такие единицы, как *жменя*, *каплица* и *калыханка* / *колыханка*. Напротив, белорусизм *сябар* (0,01 %) оказывается «слабым» на фоне его значительно более частотного литературного соответствия *друг* (99,99 %). Другие подобные примеры – *вёска*, *жах*, *ровар*. *Бульба* относится к числу белорусизмов со средними показателями: удельный вес данного варианта составляет 3,41 %. В целом, чем выше частотность литературного слова, тем меньше вероятность того, что удельный вес белорусизма в коммуникации будет достаточно высоким. И наоборот, белорусизмам легко конкурировать с редкими словами. Например, максимальный удельный вес (26,56 %) в нашей выборке имеет вариант *оводень*, поскольку его литературный аналог *овод* используется очень редко.

Очевидно, что на востребованность языковых единиц в тексте влияют как внутри-, так и внеязыковые факторы. Так, к числу белорусизмов, которые достаточно часто используются в белорусской разновидности русского языка по сравнению с их литературными аналогами, относятся слова, не являющиеся чуждыми системе русского литературного языка. Например, лексемы *жменя* и *каплица* присутствуют в некоторых словарях русского языка (впрочем, по данным ГИКРЯ их частотность в Беларуси является выше ожидаемой, что мы связываем с влиянием белорусского языка, и на этом основании относим данные единицы к белорусизмам). Слово *калыханка* / *колыханка* не отмечается в русских лексикографических источниках, однако вписывается в ряд отглагольных существительных типа *запеканка*. Кроме того, данная лексема связана с феноменом, известным многим жителям Беларуси именно под белорусским названием, – детской телепередачей «Калыханка». *Змагар* отличается от *оппозиционера* яркой экспрессией, что и делает белорусизм востребованным в разговорной речи и публицистике, в том числе в интернете.

Таким образом, под воздействием белорусского языка повышается лексическая вариативность белорусской разновидности русского языка. При этом белорусизмы имеют разный вес в коммуникации по сравнению с их литературными аналогами, что обусловлено структурными, культурными, коммуникативными и иными факторами.

О. О. Графутко (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Одной из главных характеристик эмоции как феномена психики является интенсивность (сила). Цель данного исследования – рассмотреть лингвистические средства передачи интенсивности эмоциональных переживаний в художественном дискурсе на английском и белорусском языках.

В языке психологическое свойство интенсивности эмоции представляется через семантическую категорию интенсивности, которую характеризует вариативность средств выражения на разных уровнях языковой системы. В первую очередь, представление о силе эмоции может содержаться в самом значении эмотивной единицы: *irritation* ‘раздражение’ – «the state of feeling annoyed, impatient, or **slightly** angry» (Oxford English Dictionary, далее – OED); *жах* – «**моцны** страх да знямення» (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, далее – ТСБМ).

Реализация категории интенсивности может происходить через квантификаторы при эмотивных лексемах, обозначающие разные степени проявления эмоции: чрезмерное (*too ashamed* ‘слишком стыдно’; *празмерна спагадалі*), максимальное (*maximal anxiety* ‘максимальная тревога’; *найболей баяўся*), значительное (*an immense relief* ‘огромное облегчение’; *моцна здзіўлены*), некоторое (*fairly happy* ‘вполне счастливый’; *сякую-такую спагаду*), незначительное (*a little sad* ‘немного грустный’; *крыху спалохана*), минимальное (*minimal paranoia* ‘минимальная паранойя’), недостаточное (*insufficiently in awe* ‘недостаточно трепетать’) и т. п. При этом анализ показал, что зона высокой интенсивности представлена в художественном дискурсе значительно шире (80,8 % отобранных единиц для англоязычного и 84,1 % для белорусскоязычного).

В роли квантификаторов могут выступать лексемы со значением меры и степени, принадлежащие к разным частям речи: наречия (*rankle (you) so* ‘так тебя раздражает’, *a bit sorry* ‘немного жаль’; *дарэшты ўзлаваўся, мала ўсцешнага*), прилагательные (*a great frustration* ‘страшная досада’, *full of pity* ‘полный жалости’; *смяротная крыўда, на вялікую ўсцеху*), существительные (*the multitude of shames* ‘все стыдное’, *a twinge of jealousy* ‘укол ревности’; *быра захаплення*), глаголы количественного изменения (*heightened his frustration* ‘увеличивала его досаду’; *узраслае раздражненне*).

Эксплицитным показателем силы эмоции также являются обороты с лексемами *grade* ‘степень’, *degree* ‘степень’; *ступень* и под. Они могут